

Черняховский С.Ф. Крысиные гонки профессоров²⁴

Учебный год закончился. Начались вступительные экзамены в вузы. Если судить по зарплатам вузовских преподавателей, учить тех, кто должен двигать страну в передовое инновационное будущее, будут неудачники, аутсайдеры. Бисмарк когда-то назвал победу при Садовой, в результате которой Пруссия стала лидером германских государств, победой прусского школьного учителя. Спорно, сможет ли что-то подобное в ближайшее время сказать Россия. Если у страны и случаются победы, то явно не в результате реформ в сфере образования.

С самого начала рыночных экспериментов в России одними из главных пострадавших – в прямом, материальном смысле слова – стали профессорско-преподавательский состав и студенты. Причем если для студентов практическое исчезновение стипендий компенсировалось возможностью заработать на стороне, иногда весьма прилично, совмещая это с учебой (разумеется, в ущерб последней), то преподаватели были вынуждены работать в нескольких местах, не будучи в состоянии даже в этом случае приблизить свое материальное благосостояние к советскому уровню.

Характерная зарисовка из начала 90-х: после столкновений демонстрантов с ОМОНОм и милицией 1 мая 1993 года следователи, работавшие по этому событию, задумчиво отмечали: «Вот говорят: маргиналы, маргиналы: А что за дело ни возьмешь: кандидат наук – доцент, кандидат наук – доцент». Неслучайно многие эксперты полагают, что чуть ли не единственным заповедником правых взглядов среди вузов является Высшая школа экономики, имеющая специфическое реноме среди вузовской общественности.

В последние годы положение с оплатой труда в высшей школе стало несколько меняться. Но и сейчас, в сопоставимых ценах зарплата преподавателя «пореформенной России» в разы меньше зарплаты советского времени. Кандидат наук, доцент имеет зарплату, колеблющуюся от нескольких тысяч рублей в «вузах-аутсайдерах» до 18–20 тысяч в «вузах-лидерах». Это, правда, не учитывает его возможных заработков во всякого рода коммерческих дочерних предприятиях вуза: филиалах, курсах подготовки и т.п. Но это идет сверх основной нагрузки и является личным делом преподавателя, если он согласен работать до семи дней в неделю. Это вариант того, что в Англии называют «крысиными гонками». Без этого основная зарплата доцента (берем эту должность как среднюю и основную) без перегрузок и переработок, как было сказано, колеблется от нескольких тысяч до 20 тысяч рублей в месяц.

В советское время до последнего повышения в 1986 году в рамках «реформы Лигачева» она составляла 280 рублей при меньшем стаже и 320 – при большем. То есть в среднем – 300 рублей. Если не останавливаться отдельно на расчетах, вряд ли кто-либо станет всерьез спорить с тем, что «твердый брежневский рубль» даже застойного времени – это примерно 150 современных пореформенных рублей. То есть по нынешним деньгам это должно было бы составлять 45 тысяч рублей. А составляет в лучшем случае 20, а то и 7 тысяч. Нужно ли объяснять, почему на избирательном участке МГУ в декабре 2007 года КПРФ опередила «Единую Россию» по поданным голосам?

Соответственно, профессор получал в советское время 450 рублей, что в наше время было бы адекватно примерно 70 тысячам. Реально его зарплата за основную нагрузку со всеми доплатами колеблется от 10 до 30 тысяч (в самом лучшем случае). Некоторые, самые богатые вузы гордятся, что профессор у них получает 50 тысяч – но и это заметно ниже обычной советской ставки. Даже введенную недавно семитысячную докторскую доплату иные негосударственные вузы, хотя и ввели, чтобы не отставать от государственных, но объявили премией. И создали систему штрафов: то есть в случае недовольства тем или иным преподавателем эта доплата может по тому или иному поводу за тот или иной месяц сниматься.

Озвученную некоторое время назад министром Фурсенко мысль: «Ведь профессор может работать и в нескольких местах», – иначе как смесью лицемерия с цинизмом назвать нельзя. Мало ли кто имеет ту или иную возможность (диктуемую часто необходимостью) подрабатывать в том или ином месте. Речь-то идет об основной зарплате по основному месту работы.

²⁴ http://pda.gazeta.ru/comments/2008/07/02_a_2772024.shtml

Но что значит вузовский преподаватель с малой зарплатой даже не в профессиональном, но в социально-политическом смысле? То, что новое поколение специалистов готовит человек, глубоко уязвленный и недовольный существующим положением вещей. По идеологии он может быть дважды членом СПС и трижды членом «Единой России». Он может рассуждать на тему «тоталитарного прошлого», но психологически будет недоволен. И даже когда станет говорить студентам вполне лояльные вещи, будет невольно транслировать свое недовольство. Поэтому не надо удивляться росту числа радикальных оппозиционных молодежных групп и группировок. Хорошо, если радикальных, а не экстремистских...

Хакамада однажды рассказывала, как в ходе избирательной кампании во время встречи с коллективом биофака МГУ на ее вопрос, кого биологи предпочли бы видеть во главе России, те, не задумываясь, ответили: Сталина. «Как же так?», – изумилась она. И в ответ услышала перечисление того, что для факультета было сделано при вожде, а также сравнение того, что можно было купить на зарплату профессора при нем и сегодня. У Хакамады, кстати, хватило после этого честности и смелости сказать: «Вы понимаете, как мы, реформаторы, виноваты перед людьми, если они доведены до такого состояния и говорят такие вещи?» У других – включая нынешнюю власть – такой смелости не хватает.

Недовольная профессура – это пролог к студенческим бунтам и волнениям. В самом мирном случае – это пролог к маю 68 года. Если пока этого нет – то, с одной стороны, потому, что это происходит не сразу. А с другой – потому, что до недавнего времени векторы настроений профессуры и студенчества несколько расходились: первые, как уже сказано, вольно или невольно ретранслировали свое недовольство, вторые – отчасти воспринимали его, но имея возможность заработков, верили в то, что «новое время» даст им и «новые возможности».

Приходя на работу пешком, в 90-е профессор обходил выстроившиеся у некоторых вузов ряды студенческих иномарок. Что тоже создавало специфическую ситуацию в аудитории: студент видел, что лекцию ему читает тот, кто при всех своих регалиях отстает от него в уровне материальной обеспеченности. В этом тоже проявлялся **идиотизм российской власти: как можно научить студента, тянущегося к знаниям и стремящегося хорошо учиться, если он ежедневно видит перед собой примеры того, что знания и образование денег не приносят?** И, тем не менее, недовольство транслировалось и накапливалось. В частности, и потому, что даже описанная ситуация работала на его воспроизводство. Студент, с одной стороны, знал, что учиться нужно, с другой – видел, что денег это не приносит. Тогда он раньше или позже формулировал вопрос: что-то здесь не так. Либо не стоит учиться, либо налицо явная несправедливость.

Получается, что мелочное и воровское отношение власти и частного сектора к высшему образованию и труду профессуры задает следующие параметры ситуации:

1. Профессор всем своим видом, прямо или косвенно, словами или интонацией, отдавая себе в этом отчет или нет, транслирует новому поколению мысль, что существующая реальность несовершенна и подлежит, скажем философски, отрицанию и преодолению (снятию).

2. Студент, слушая его, частью это впитывает, но в целом еще полагает, что уж он-то, получив диплом, получит и вполне приличную работу и видит перед собой светлые перспективы.

3. Когда он заканчивает вуз, то видит, что ту зарплату, о которой он мечтал, ни ему, ни ему подобным никто не спешит давать. И, проговаривая про себя всё то, что он думает про этот обман, это общество и эту власть, он вспоминает, что нечто похожее ему говорили, хотя бы намеком, практически все его профессора.

Смыкается недовольство тех, кто потерял свой прежний высокий советский статус, и недовольство тех, кто не получил высокого постсоветского. Да, так происходит не со всеми. Кто-то так и остается при тех самых иномарках, на которых привык приезжать в вуз. Но важно не то, что происходит с теми, кому повезло, а с большинством, с теми, кто не получил ожидаемого. Подобное недовольство неизбежно рано или поздно выплескивается наружу. В нашей стране часто по сценарию, описанному героем некогда культового советского кино: «Вот видишь, Юра: сад свой ты иметь хочешь, но заботиться о нем – не хочешь. Тогда рано или поздно кто-нибудь опять сожжет твой дом».

Властям, чтобы не потерять высшую школу совсем, недурно начать заботиться о тех, кто в ней еще преподает.